

Едва Сун Си вышел из актового зала, как его перехватил Чэнь Фань и без лишних слов привел сюда. Сун Сюньнань не ожидал, что они выберут именно это место.

«Хорошо еще, что Вэнь Хэн не предложил зайти в кофейню, — подумал он. — Иначе ситуация стала бы совсем нелепой. Что может быть хуже двух взрослых мужчин, подглядывающих за целующимися в роще парочками?»

Сун Сюньнань остался доволен расторопностью адвоката.

— Будьте добры, господин Чэнь, передайте трубку Сун Си.

Чэнь Фань протянул телефон собеседнику. Сун Си поставил чашку на столик так резко, что несколько капель кофе выплеснулись на блюдце. Схватив мобильный, он изо всех сил попытался сохранить лицо:

— Ты...

Но Сун Сюньнань даже не собирался его слушать и бесцеремонно оборвал на полуслове:

— Заткнись, Сун Си, и просто делай, что велено. Если с домом или вещами моих родителей случится хоть что-то, клянусь, я устрою всей вашей семейке несладкую жизнь.

Высказав всё, Сун Сюньнань почувствовал, как на душе полегчало. Не обращая внимания на тяжелое, прерывистое дыхание на другом конце провода, он нажал на кнопку отбоя.

Чэнь Фань тоже не собирался сопереживать молодому человеку. Его волновали исключительно интересы клиента, поэтому он с невозмутимым видом подлил масла в огонь:

— Господин Сун, надеюсь, вы примете благоразумное решение. Судебная тяжба едва ли пойдет на пользу вашей репутации. Насколько мне известно, активы группы компаний Сун торгуются на бирже. Интересно, как на подобные новости отреагируют котировки акций?

Сун Си прекрасно расслышал неприкрытую угрозу в словах юриста. Он презрительно хмыкнул:

— Теперь понятно, почему он нанял именно вас. Два сапога пара — оба за словом в карман не лезут.

Чэнь Фань и бровью не повел:

— Так каков будет ваш ответ?

— Я всё понял! Верну я ему всё, верну! — не выдержал Сун Си. Вскочив со стула, он стремительно направился к выходу.

Чэнь Фань проводил его спокойным взглядом. Когда разгневанный юноша поравнялся с ним, адвокат вежливо напутствовал:

— Господин Сун, очень надеюсь, что при передаче имущества вы в точности выполните все требования моего доверителя. Постарайтесь ничего не забыть.

— Без вас знаю! — процедил сквозь зубы Сун Си. От злости он так яростно заскрежетал зубами, что этот звук отчетливо долетел до ушей сидевшего за столиком адвоката.

За окном тускло светила луна. На стене спальни дрожала смутная тень лежащего на кровати юноши. Ему снился кошмар: он метался во сне, тяжело и прерывисто дыша, хмурил брови, а его губы беззвучно шевелились, словно пытались что-то произнести.

Сун Сюньнань резко распахнул глаза. Первое, что он увидел, было знакомое очертание потолка. Он сел на постели, тяжело дыша, и лишь спустя несколько минут осознал: кошмары прошлого остались позади. Он больше не живет в резиденции семьи Сун.

Во сне к нему вернулись обрывки из прошлой жизни. Образы путались и накладывались друг на друга, словно мозаика на витражах старого собора — искаженные, размытые, сюрреалистичные. Попытки вспомнить детали ни к чему не привели, но на душе остался липкий, тревожный осадок, от которого никак не получалось избавиться.

В полумраке спальни сухо щелкнула зажигалка, на мгновение выхватив из темноты лицо юноши. Сун Сюньнань достал с прикроватной тумбочки сигарету, прикурил и медленно выпустил изо рта струйку дыма, наблюдая, как она растворяется в прохладном воздухе. Тусклый огонек отразился в его глубоких, темных глазах, заплясав крошечной искрой на самом дне зрачков.

Движения его были привычными и точными. Тонкие, длинные пальцы уверенно держали сигарету; изящные очертания кисти с проступающими венами казались искусной скульптурой работы безымянного мастера. В свои двадцать один Сун Сюньнань, будучи несносным избалованным юнцом, никогда не прикасался к табаку. Но сейчас, сохранив память о своем двадцатичетырехлетнем будущем, он отчаянно нуждался в затяжке, чтобы унять дрожь и успокоить мечущиеся мысли.

Крепкий ментоловый вкус обжег горло, принося желанную прохладу и проясняя затуманенный

разум. Сделав пару затяжек, юноша больше не курил. Он просто держал сигарету в руке, молча наблюдая, как тлеет табак.

Часы показывали четыре утра. Летом светает рано, и на востоке уже брезжил серый рассвет. Город, окутанный легкой предрассветной дымкой, еще спал глубоким сном.

На тумбочке беззвучно мигнул экран телефона, оповещая о свежих утренних новостях. Сун Сюньнань бросил мимолетный взгляд на вспыхнувший дисплей. Обычные заголовки: международные соглашения, новые экономические реформы, очередные поправки к законам... Сухие строчки, за каждой из которых стояли крутые повороты человеческих судеб. Песчинки ушедшей эпохи, оборачивающиеся для простых людей неподъемными скалами.

Сон ушел окончательно. Потушив окурок в пепельнице, Сун Сюньнань немного подумал и решил прогуляться до ближайшего заведения, чтобы не спеша позавтракать и дожидаться открытия больницы — сегодня ему должны были снять швы.

Обуваясь в прихожей, он уловил негромкий щелчок замка у соседей напротив: дверь открылась и тут же мягко захлопнулась. Сун Сюньнань удивленно приподнял бровь и глянул на часы — стрелки не доползли даже до пяти. Распорядок дня этого человека казался весьма странным. Неудивительно, что с момента переезда они ни разу не пересеклись.

Шагнув в лифт, он все еще лениво размышлял о загадочном соседе, как вдруг почувствовал слабый, едва уловимый запах дезинфицирующих средств. Странно, но этот резкий аромат показался ему приятным. Подобно тому как некоторые любят запах свежей типографской краски в книгах, Сун Сюньнань с ранних лет испытывал симпатию к больничной чистоте. Неужели уборщики успели провести обработку в такую рань?

В такой час большинство кафе только открывались, раскладывая свежие продукты по витринам. Сун Сюньнаню пришлось побродить по округе, прежде чем он наткнулся на уютную закусочную, предлагавшую традиционный утренний чай. Смакуя каждый кусочек и наслаждаясь тишиной, он неторопливо позавтракал. К тому моменту, когда на тарелке скрылся последний пельмень с креветкой, гнетущие мысли о пережитом кошмаре окончательно улетучились. Расплатившись, он поймал такси и поехал в больницу.

Изначально он планировал сразу пройти к регистратуре, но, зацепившись взглядом за информационный стенд у входа, передумал и свернул в его сторону. Доска почета ничуть не изменилась с его прошлого визита. Среди множества карточек сотрудников больше всего выделялся профиль Вэнь Хэна. На фотографии мужчина смотрел прямо перед собой с привычным бесстрастным лицом, а его взгляд казался холодным и отстраненным.

Сун Сюньнань готов был поспорить, что все снимки прошли через беспощадную ретушь: из-за сильного сглаживания кожи и без того бледное лицо Вэнь Хэна выглядело неестественно белым, почти призрачным, что смотрелось довольно странно.

Краткая биография пестрила громкими эпитетами, описывающими его выдающиеся заслуги в

области нейрохирургии. Пробежав глазами по строчкам вроде «молодой гений медицины», «заслуженный профессор, вернувшийся из-за рубежа» и «ведущий специалист страны по сложнейшим операциям на мозге», Сун Сюньнань не выдержал и тихонько рассмеялся.

Было трудно вообразить, как этот суровый, немногословный человек ежедневно проходит мимо стенда, увешанного столь напыщенной похвалой. Интересно, какие эмоции он при этом испытывал? Поддавшись внезапному ребяческому порыву, Сун Сюньнань достал телефон, сфотографировал всю эту оду величию крупным планом и бережно сохранил снимок в галерее. Лишь после этого он со спокойной совестью направился в регистратуру.

В отделении общей хирургии сегодня снова дежурил Лян Чжэньцю. Заметив знакомого пациента, доктор приветливо улыбнулся, задал пару дежурных вопросов и пригласил в кабинет для снятия швов, попутно в очередной раз поблагодарив за помощь в разрешении недавнего инцидента с буйными родственниками.

— Честно говоря, в прошлый раз я не очень-то поверил, что ты пострадал, спасая человека. Думал, обычная уличная драка. А оно вон как обернулось, — покачал головой Лян Чжэньцю, аккуратно срезая нити. — Кстати, недавно Сяо Чжоу заходил, расспрашивал о твоём самочувствии. Наверняка его заведующий Вэнь подослал разузнать, как твои дела.

Сун Сюньнань неопределенно хмыкнул, а затем как бы невзначай поинтересовался:

— И часто доктор Вэнь принимает пациентов?

— Обычно он появляется здесь раза два-три в месяц, — ответил Лян Чжэньцю. — Но точного графика у него нет. В основном его вызывают на консультации, когда местные врачи сталкиваются со сложными, труднодиагностируемыми случаями.

Сун Сюньнань понимающе кивнул. Теперь картина прояснялась.

Процедура снятия швов — штука довольно болезненная: вытягивать вросшие нити из живой плоти без всякой анестезии мало кому покажется приятным. Лян Чжэньцю догадывался, что его пациент парень не из робкого десятка, однако выдержка юноши все равно поражала. За все время он лишь слегка нахмурился, сохранив абсолютное хладнокровие.

— Ну и железные же у тебя нервы, — восхищенно покачал головой врач.

Сун Сюньнань на мгновение замер, словно погрузившись в воспоминания, а затем негромко ответил:

— Да, есть немного.

На обратном пути он попал в самый разгар утреннего часа пик. Дороги сковали глухие пробки,

и такси, в котором ехал Сун Сюньнань, намертво застряло в плотном потоке машин.

На огромном светодиодном экране одного из проплывающих мимо небоскребов крутился рекламный ролик новой коллекции мужской одежды. С яркого дисплея на прохожих смотрело до боли знакомое лицо.

Сун Юйцин.

Его дражайший второй брат.

Тот лучезарно улыбался своей безупречной улыбкой, от которой сходили с ума миллионы поклонников, и зачитывал заученный слоган глубоким, бархатистым голосом. Его красивые глаза с поволокой, казалось, смотрели прямо в душу каждому зрителю на улице, излучая бесконечную нежность и теплоту.

Глядя на этот триумф фальши, Сун Сюньнань невольно процедил сквозь зубы:

— Лицемер.

В прошлой жизни он наивно верил этой маске. Ему казалось, что даже если второй брат предпочитает оставаться в стороне от семейных конфликтов, за двадцать лет совместной жизни у него должна была остаться хоть капля привязанности к младшему. Реальность же оказалась куда более жестокой: Сун Юйцин ничем не отличался от остальных членов семьи — они все были сотканы из одного теста.

Сун Сюньнань отчетливо помнил тот единственный раз, когда наступил на горло собственной гордости и умолял второго брата о помощи. Тогда он был на грани полного отчаяния и больше не мог справляться в одиночку. В ответ Сун Юйцин лишь мягко улыбнулся — его губы изогнулись в привычной, приторно-любезной манере, когда он тихо произнес:

— Это невозможно, третий братец. Разве тебе плохо в родном доме? Оставайся здесь.

За маской заботливого брата скрывался изощренный садизм: он не просто хладнокровно оттолкнул его, но и попытался затащить Сун Сюньнаня обратно в вязкое болото семейных интриг, чтобы тот навеки увяз в нем без единого шанса на спасение.

Лян Чжэньцю только что похвалил его за поразительное умение терпеть боль. Доктор просто не знал, каким изнеженным и капризным был Сун Сюньнань в юности, когда обычная царапина на пальце становилась поводом для вселенского скандала.

Впрочем, когда жизнь начинает бить тебя без передышки, ты волей-неволей привыкаешь к боли, пока нервные окончания окончательно не атрофируются.

Сун Сюньнань застывшим, ледяным взглядом провожал удаляющийся экран с физиономией брата. Телефон в его кармане надрывался от звонка, но погруженный в тяжелые мысли юноша ничего не слышал, пока водитель такси не окликнул его несколько раз:

— Молодой человек, у вас телефон звонит! Слышите?

— Ах да, простите, — спохватился он и вытащил трубку.

— Алло? — ответил Сун Сюньнань.

На том конце провода раздался спокойный голос Чэнь Фаня. Адвокат сообщил, что Сун Си прибыл для переоформления документов на недвижимость, и поинтересовался, желает ли клиент присутствовать лично.

— Нет, не приеду. Уладьте все формальности самостоятельно, а как закончите — просто дайте мне знать, — отрезал Сун Сюньнань и повесил трубку.

За окном автомобиля гигантский монитор уже транслировал совсем другую рекламу.

Утром, собираясь уходить, Сун Хэнсюань столкнулся в дверях с Сун Си, который тоже куда-то торопился.

— Брат, — негромко поздоровался младший.

Сун Хэнсюань кивнул в знак приветствия. Заметив в руках брата увесистую папку с какими-то бланками, он спросил:

— Куда это ты в такую рань? Случилось что-то?

Сун Си никогда не отличался любовью к ранним подъемам, поэтому такая спешка вызвала у старшего вполне логичный вопрос.

Сун Си на мгновение замялся, прежде чем неохотно выдавить:

— Нужно закончить переоформление документов... на дом.

Он не назвал имени, но обоим было прекрасно понятно, о ком идет речь.

Теперь пришла очередь Сун Хэнсюаня хранить молчание. Его пальцы, завязывающие узел галстука, внезапно словно налились свинцом. Опустив руки, он едва заметно кивнул:

— Понятно.

Со второго этажа донесся глухой стук, а затем послышались тяжелые шаги. Сун Си обернулся на звук и посторонился, освобождая проход. С лестницы спускались несколько слуг, нагруженных картонными коробками.

Изначально Сун Хэнсюань не планировал обращать на них внимания, однако коробки не были запечатаны, и сквозь приоткрытые створки он разглядел содержимое. Внутри лежали старые вещи, принадлежавшие Сун Сюньнаню. Взгляд мужчины зацепился за до боли знакомый предмет — пластмассовую модель самолета. Эту игрушку Сун Хэнсюань помнил до мельчайших деталей, ведь когда-то давно они собрали ее вместе.

В детстве их родители, Сун Цзюйвэй и Сюй Цин, круглые сутки пропадали на работе, поэтому братья чаще всего были предоставлены сами себе. На один из дней рождения маленькому Сун Сюньнаню подарили сложный конструктор LEGO. Тот часами корпел над инструкцией, но у него ничего не получалось. Сун Хэнсюань, который уже тогда рос гордостью семьи и образцовым ребенком, поначалу лишь посмеивался над неуклюжими попытками младшего. В конце концов, не выдержав чужих мучений, он сел рядом и помог. Мальчишки провозились до самого вечера, но все-таки завершили сборку заветного самолета.

«Этот самолетик мы построили вместе с братом! Я поставлю его на самый видный рабочий стол, чтобы всегда видеть!» — восторженно лепетал тогда маленький Сун Сюньнань, с искренним обожанием и преданностью глядя снизу вверх на своего старшего брата.

И он действительно сдержал слово. Все эти годы собранная модель неизменно красовалась на самом почетном месте в его комнате. Мальчик даже раздобыл специальный защитный футляр из оргстекла, бережно стирал с него пылинки и никому не позволял прикасаться к своему сокровищу.

А теперь эта некогда любимая вещь валялась на самом дне пыльной коробки среди прочего хлама. Лишившись защитного футляра, хрупкие пластиковые детали успели растеряться и поломаться от небрежного обращения. Без блестящего стекла игрушка выглядела жалкой, разбитой и никчемной — обычный кандидат на выброс в мусорный бак.

Сун Хэнсюань почувствовал, как его пальцы невольно сжались в кулаки. В груди на мгновение защемило, словно ему перекрыли доступ к кислороду, лишив возможности сделать хотя бы один вдох.

Слуги уже почти подошли к выходной двери, когда ледяной, резкий голос Сун Хэнсюаня заставил их замереть на месте:

— Стоять. Что здесь происходит?

Перепуганные его внезапным гневом служанки побледнели и торопливо залепетали:

— Господин, это...

— Это мое распоряжение, — раздался капризный голос Сун Си. Он стоял на ступеньках лестницы и смотрел на старшего брата сверху вниз с вызывающей дерзостью, совершенно не похожей на его прежнюю покорность. — В конце концов, он больше не имеет никакого отношения к нашей семье. Раз уж он убрался отсюда, зачем хранить этот мусор? Выбросить его или сжечь — какая разница?

— Оставьте коробки, — сурово оборвал его Сун Хэнсюань, и его голос сделался угрожающе тихим. — Немедленно отнесите все вещи обратно в его комнату.

Копившееся неделями раздражение Сун Си наконец прорвало плотину здравого смысла. Наплевав на всякую осторожность, он сорвался на крик:

— Да почему мы должны их оставлять?! Сам Сун Сюньнань швырнул их здесь и ушел! Ему они даром не нужны, так с какой стати мы обязаны беречь этот хлам?!

Сун Хэнсюань смотрел на разъяренного младшего брата и ловил себя на странном, пугающем чувстве — перед ним стоял абсолютно чужой человек.

— Сун Си, — медленно произнес он. — Не забывайся. Он твой брат.

— А ты сам?! — выплюнул Сун Си, задыхаясь от обиды. — Хоть раз в жизни ты относился к нему как к брату?!

Ему казалось, что Сун Хэнсюань просто издевается над ним, защищая никчемного изгоя. Не помня себя от ярости, он подскочил к служанке и с силой вырвал коробку из ее рук, швырнув ее на пол. Картон жалобно зашуршал, и личные вещи Сун Сюньнаня с глухим стуком раскатились по паркету.

Сун Хэнсюань опешил от такой неслыханной дерзости. Лицо его потемнело от гнева, и он уже собирался жестко осадить зарвавшегося юношу, как вдруг его взгляд упал на россыпь ярко-красных папок и плотных листов бумаги, усеявших пол. Это были почетные грамоты и дипломы.

— Что это такое? — нахмурился он, приседая и поднимая один из листов.

На полу лежала целая стопка наградных документов. Почти все они были выданы за победы в

престижных соревнованиях по компьютерным технологиям и программированию — от муниципальных кубков до наград национального масштаба.

— Откуда это здесь? — глухо повторил свой вопрос Сун Хэнсюань, всматриваясь в золотое тиснение на обложках.

Испуганная служанка, сжавшись в комок, едва слышно пролепетала:

— Это... грамоты господина Сун Сюньнана. Он оставил их в ящиках своего стола, когда уезжал.

Сун Хэнсюань сжал пальцами плотную бумагу диплома, но в следующее мгновение резко разжал руку, словно прикоснулся к раскаленным углям. Грамота плавно опустилась обратно на пол, выставив напоказ выведенные каллиграфическим шрифтом крупные слова: «Диплом первой степени за победу в провинциальном чемпионате по компьютерным наукам».

— Но ведь он... — растерянно пробормотал старший брат, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Разве он не просиживал все дни за компьютером только ради глупых онлайн-игр?

Служанка удивленно моргнула, искренне не понимая замешательства хозяина:

— Вы не знали, старший молодой господин? Компьютеры в комнате господина Сун Сюньнана были полностью пересобраны им вручную. Он использовал их для разработки каких-то сложных программ и цифровых систем...

Сун Хэнсюань действительно этого не знал. Он вспомнил, как однажды на день рождения решил сделать брату подарок и купил самый дорогой, сверхмощный игровой компьютер, рекламируемый во всех магазинах. Он думал, что порадует лоботряса.

Откуда ему было знать, что младшему брату вовсе не нужны были дорогие игрушки?

Сун Хэнсюань никогда не интересовался учебой или увлечениями Сун Сюньнана. Ему не было до этого дела. Все, что отложилось в его памяти о младшем брате со времен старшей школы — это бесконечные пьянки в ночных клубах, драки, сомнительные компании и заносчивый, неуправляемый характер типичного избалованного богача.

В этот момент в кармане Сун Си зазвонил телефон. Скользнув взглядом по экрану, он нахмурился и сбросил вызов. Проходя мимо застывшего посреди гостиной старшего брата, он вдруг криво, злорадно усмехнулся:

— Что ж, вещи я трогать не стану. Пусть великий старший брат сам решает, куда деть этот хлам.

Его вкрадчивые слова прозвучали тихо, почти ласково, но заставили Сун Хэнсюаня резко побледнеть.

— Мне вот только любопытно, братец... А насколько хорошо ты вообще знал Сун Сюньнана?

Бросив напоследок эту ядовитую фразу, Сун Си развернулся и зашагал к выходу.

Дворецкий Сунь, безмолвной тенью стоявший в углу просторного холла, молча наблюдал за растерянным выражением лица своего господина. В этот момент старому слуге стало невыносимо обидно за Сун Сюньнана. Насколько же слепы и эгоистичны были эти люди, называвшие себя его семьей...

<http://bllate.org/book/19928/1995604>